

**«Русь, принявшая западный навычай, погибнет... »:
мотив противостояния Руси и Западной Европы в романе
Д. М. Балашова «Святая Русь»**

Настоящая статья посвящена мотиву противостояния Руси и Западной Европы в романе Дмитрия Михайловича Балашова (1927–2000) «Святая Русь». Данное произведение, написанное в 1991–1997 гг., вошло впоследствии в состав монументального исторического цикла «Государи Московские».

Авторами показывается, что имевшее огромное значение для первых томов балашовского цикла противостояние Руси Золотой Орде – далеко не единственная тема «Государей Московских». В «Святой Руси», действие которой происходит на рубеже XIV и XV вв., на первый план выдвигается уже не проблема борьбы русинов с татаро-монголами, а противоборства Руси и Западной Европы, причем западный фланг Руси представлен там Литвой и Польшей и их выдающимися деятелями, которые также покушаются на рубежи Руси. Представители Запада описаны Балашовым стереотипно и тенденциозно, что лучше всего видно на примере польской королевской четы Ягайлы и Ядвиги.

На страницах «Святой Руси» автор, как раньше это делали славянофилы, акцентирует внимание читателя на конфессиональных различиях между условными «Востоком» и «Западом». Данные различия писатель с присущей его произведениям тенденциозностью всегда толковал в пользу русского православия, которое во всякий раз резко противопоставлял западному католицизму («латинству»). В статье детально анализируется разговор на тему сакрального искусства между Софьей, супругой князя московского Василия и дочерью литовского князя Витовта, и православным иконописцем Феофаном Греком с его русскими учениками. Возникший между персонажами спор о природе и формах сакрального искусства на самом деле является спором не столько эстетическим, сколько религиозным и мировоззренческим. В действительности, это столкновение двух взглядов на мир, двух великих конфессий и двух реальностей – Запада и Востока.

Авторами устанавливается глубинная связь между тем временем, в котором Балашов писал «Святую Русь», – временем наплыва в Россию западной, по преимуществу американской, поп-культуры, и тенденциозным изображением им западной культуры рубежа XIV и XV веков.

Ключевые слова: Д. М. Балашов, «Святая Русь», исторический роман, Запад, Восток, культурное противостояние, сакральное искусство, икона.

**"Russia, Which has Taken the Western Extreme, Will Perish ...":
the Motive of the Confrontation between Russia and Western Europe
in the Novel "Holy Russia" by Dmitry Balashov**

This article is devoted to the motive of the confrontation between Russia and Western Europe in the novel "Holy Russia". by Dmitry Mikhailovich Balashov (1927–2000) This work, written in 1991–1997, subsequently became part of the monumental historical cycle "Sovereigns of Moscow". The authors show that the confrontation of Russia by the Golden Horde, which was of great importance for the first volumes of the Balashov cycle, is far from the only topic of the "Sovereigns of Moscow". In "Holy Russia", which takes place at the turn of the 15 and 16th centuries, the forefront is no longer the problem of the struggle of the Ruthenians against the Tatar-Mongols, but of the confrontation between Russia and Western Europe, with the western flank of Russia represented by Lithuania and Poland, and their prominent figures, who also encroach on the borders of Russia. Representatives of the West are indicated by Balashov extremely stereotypically and tendentiously, which is best seen on the example of the Polish royal coupe – Jagaila and Jadwiga.

On the pages of "Holy Russia" the author, as the wordophiles did before, focuses the reader on the confessional differences between the conditional "East" and "West". The writer, with the inherent bias in his works, always interpreted these differences in favor of Russian Orthodoxy, which in every case sharply opposed Western Catholicism ("Latinism").

The article analyzes in detail the conversation on sacred art between Sophia, the wife of the Prince of Moscow Vasily, and the daughter of the Lithuanian Prince Vitovt and the Orthodox icon painter Theophanes the Grek with his Russian students. The dispute that arose between the characters about the nature and forms of sacred art is actually a debate not so much aesthetic as religious and philosophical. In reality, this is simply a clash of two world views, two great denominations and two realities – the West and the East.

The authors establish a deep connection between the time in which Balashov wrote "Holy Russia" – the time of the Western Gulf of Russia, mainly American, pop culture, and a tendentious depiction of Western culture of the turn of the XIV and XV centuries.

Key words: Dmitry Balashov, "Holy Russia", historical novel, West, East, cultural confrontation, sacred art, icon.

В современном литературном процессе в России произведения Дмитрия Михайловича Балашова (1927–2000) занимают поистине особое место главным образом благодаря новаторскому подходу автора к художественному анализу глубокого исторического пласта, связанного с противостоянием Московского княжества татаро-монгольскому нашествию. Необходимо отметить, что эта эпоха действительно оставила глубокий след в истории России, с ней

многие современники связывают наличие проблем в менталитете народов России, поэтому читателям близко стремление автора осмыслить вечные российские морально-философские проблемы, которые рассматриваются не схоластически, а на базе глубокого психологического анализа внутреннего мира исторических и романских персонажей.

Хотя Д. М. Балашов был ученым-филологом, исследователем древнерусской литературы и автором ряда научных работ по тематике русского эпоса, несомненно, главный его труд представляет собой цикл исторических романов «Государи Московские», охватывающий период русской истории с 1263 года (кончина князя Александра Невского) до 1425 года.

Однако противостояние Руси Орде, имевшее огромное значение в первых томах цикла, – далеко не единственная тема «Государей Московских». В трехтомном романе «Святая Русь» (1991–1997) на первый план выдвигается уже не проблема борьбы Руси с Ордой, а противоборства Руси и Западной Европы, причем западный фланг Руси представлен Литвой и Польшей и их выдающимися представителями, которые также покушаются на рубежи Руси. В это же время начался коренной перелом в сторону католицизма этих народов, что внесло между ними и русскими цивилизационный разлом [10].

В «Святой Руси» для Д. М. Балашова характерна все та же масштабность, типичное для него стремление объять необъятное, что и в более ранних томах цикла. Великий князь Василий Дмитриевич, сын победителя Куликовской битвы Дмитрия Донского, не сильно запоминается. Видимо потому, что он и его отец не были достаточно жесткими и решительными правителями. Однако чтобы придать ему хоть что-то уникальное, автор решил показать князя «подкаблучником». Отсюда проистекает и неизбежная демонизация Софьи Витовтовны («злой литвинки»), Владислава-Ягайлы, даже в некоторой степени супруги последнего, святой королевы Ядвиги, а также и самого Витовта и прочих представителей Великого княжества Литовского и Польши. В романе фигурируют «враги Руси», по совместительству и враги Православия: Витовт и Тимур, Ольгерд и Ягайло, Римская курия и своенравные новгородцы. Приведем краткий пример: «новгородцы, взявшие себе кормленным князем литвина, Патрикия Наримонтовича, отдались под власть Литвы, а значит, теперь, когда Ягайло крестит литвинов в латынскую веру, – под власть католического Запада!» [3, с. 343].

Все дело в том, что, как описывает Д. М. Балашов, в конце XIV – начале XV веков общественно-политическая ситуация в Восточной Европе резко изменилась. Ольгерд был последним Великим литовским князем, который пытался завоевать Московскую Русь, но все его три похода на Москву были

неудачными. Сын Ольгерда Ягайло, русский по матери, прекрасно понимал, что Московская Русь ему не подчинится, но не смирился, чем вызвал глубокую неприязнь писателя. Гораздо более радужные перспективы были у него на западе. А Литва и Польша, по представлению автора, подстрекаемые монашеским орденом францисканцев (представители которого в этом романе выступают в довольно необычной для них роли политических интриганов, своего рода «предшественников» и учителей иезуитов), встают в оппозицию православной Руси и разрабатывают планы по обращению её в католицизм.

Более того, в романе речь идет о том, католические послы вели активную работу в Орде, да и сама Куликовская битва была своего рода противодействием планам Ватиканской курии по латинизации Руси. С этой целью и был заключен брак (при активном содействии польских магнатов, а вернее стоявших за ними «кукловодов в сутанах») Ягайлы и Ядвиги («А Ядвига што? ...Кто надоумил с Ягайлой ее свести? Похоже, святые отцы! Боле некому... Ихняя печаль – православных в латынскую веру перегнуть, об ином не мыслят. Дениса, вишь, держат в Киеве, в няты, греков неволят унию принять... А не выстоит православная церковь, и Руси в одночасье пропасть!» [3, с. 353]. То есть беллетрист специально проецирует на описываемую эпоху модные в 1990-е годы конспирологические теории. Мы наблюдаем тут совпадение имагологического и идеологического дискурсов.

Подробно проанализировать образы иных, чужих (в данном случае литвинов и поляков) в данной статье у нас возможности нет, но подчеркнем, что все они представлены нарочито карикатурно и негативно. Остановимся кратко только на описании венценосной четы Ягайлы и Ядвиги. Польский король, сын тверской княжны, святой Иулиании, и Ольгерда, правнук святого Михаила Тверского, явно не по нраву автору «Святой Руси». Наиболее распространённое определение государя в пору юности его – «щенок»; причем это слово повторяется многократно, тем самым автор формирует негативное отношение читателя к персонажу. В дальнейшем Д. М. Балашов дает и более развернутую характеристику отрицательным сторонам его личности: «По характеру Ягайло был раздражителен и подозрителен безмерно, тиранил своих супруг, обвиняя в вероломстве. Боялся отравы, почему не пил и избегал есть фрукты. Ел только сладкие груши, и то, когда знал, что они собраны не для него» [3, с. 386].

Балашов резко отрицательно характеризует короля Ягайлу как человека в целом и как монарха в частности. В финале второго тома «Святой Руси» читаем, что «Ягайло за всю жизнь так и не научился читать и писать, спал до полудня, часами просиживал за обеденным столом, где подавалось до шести-

десяти перемен... Единственное, что занимало его до страсти, это была охота. Он мог сутками не слезать с седла, мокнуть и мерзнуть, загоня псарей и доезжачих, которых зато постоянно награждал и одаривал. Он опрометью скакал на коне, не ведая устали, до самой старости и даже сломал ногу во время охоты, едва ли не на семидесятом году жизни. Занимался ли Ягайло делами правления? Скорее всего, нет» [3, с. 506]. В то же время из исторических источников известно, что 48-летний период владычества Ягайлы оставил значительный след в политической, экономической и культурной жизни двух государств – Великого княжества Литовского и Польши.

На самом деле король Владислав-Ягайло был известен и своими военными успехами: во время знаменитой Грюнвальдской битвы (15 июля 1410 года) он был главнокомандующим армии, которая насчитывала около 32 тысяч человек. Победа над крестоносцами в этой битве имела судьбоносное значение для многих народов Европы: прекращение агрессии Тевтонского ордена способствовало экономическому развитию многих европейских стран. Балашов так оценивает роль короля в битве: «Гибелью и Литвы, и Польши могло обернуться поле Грюнвальда, и только потому, что Ягайло паче победы над врагом хотел ослабить своего двоюродного брата! И почему он отказался затем от предложения чехов сдать ему крепость Мариенбург, последний крестоносный оплот, и тем навсегда покончить с Орденом? Мог. И не сделал! Сорвавши победу над вековым врагом! И тем заложил основу всех прочих бед, протянувшихся через столетия. Не в похвалу, но в укор надобно поставить королю Владиславу-Ягайле Грюнвальдскую битву!» [2, с. 297].

Не менее значительный вклад был внесен Ягайлой и в научно-культурную жизнь европейских земель: в 1400 году им был восстановлен и реорганизован по образцу Парижского университета Краковский университет (основанный в 1364 году Казимиром III Великим). С тех пор Краковский университет стал называться Ягеллонским университетом. Про это в романе «целомудренно» умалчивается. Ведь в Московии в ту пору о высшем образовании и не мечтали. Можно предположить, что тут речь идет о некотором упущении в части исторических материалов ввиду незнания автором польского и украинского языков. Но это не совсем так, писатель в своих интервью говорил о работе с источниками [4]. В романе используются мелкие детали, явно почерпнутые из средневековых источников, упоминается имя польского хрониста Яна Длугоша, приводится подробное описание гробницы Государя в Вавельском Соборе (г. Краков) и его внешности. Ясно, что основная фактура автору «Святой Руси» была хорошо известна. Но тенденциозность его восприятия в описании Ягайлы все равно проявилась.

О королеве Ядвиге упоминается кратко. Романист немного жалеет её из-за неудавшейся женской доли. Но в целом её образ осмысливается в ракурсе той же конспирологической мифологемы. Отцы-францисканцы ей «внушали... важность святого дела – крещения языческой Литвы, и что брак с Ягайлой – угодная Богу жертва, вроде ухода в монастырь. После этих разговоров она ощущала себя маленькой-маленькой, распростертой на холодном камне церковного пола, лишенной воли... Она все понимала, все принимала» [3, с. 404]. И в итоге согласилась на брак с Ягайлой. Описывая отношения московской венценосной пары Дмитрия и Евдокии, автор подчеркивает их гармоничность и обильное деторождение. А при описании брачной ночи Ягайлы и Ядвиги он подчеркивает отвращение, которое Государыня испытывала к своему супругу и с явным удовольствием отмечает, что сыновья у короля появились только в четвертом браке от Софьи Гольшанской.

Как мы уже неоднократно отмечали, на страницах «Святой Руси» Д. М. Балашов многократно акцентировал внимание читателя не только на национальных, но и на конфессиональных различиях между условными «Востоком» и «Западом», то есть между Древней Русью и Западной Европой. Данные различия писатель с присущей его произведениям тенденциозностью всегда толковал в пользу русского православия, которое всякий раз резко противопоставлял западному католичеству («латинству»).

Пожалуй, наиболее ярко это было выражено в сцене разговора на тему сакрального искусства, будто бы случайно возникшего между Софьей Витовтовной, женой князя московского Василия и дочерью литовского князя Витовта, и православным иконописцем Феофаном Греком с его русскими учениками. К этому важному для понимания всего авторского замысла «Святой Руси» разговору постараемся присмотреться повнимательнее, поскольку возникший между персонажами романа спор о природе и формах сакрального искусства на самом деле является спором не столько эстетическим, сколько религиозным и мировоззренческим. В действительности это просто столкновение двух взглядов на мир, двух великих конфессий и двух реальностей – Запада и Востока. Восток не случайно представляет здесь известнейший иконописец своего времени, выходец из Византии Феофан, который жизни на Руси предпочел жизнь в приходившем в упадок Царьграде. В споре с Феофаном княгиня Софья, которую Балашов вопреки историческим фактам представляет как яркую сторонницу католичества, с увлечением отстаивает живоподобие современных ей итальянских религиозных изображений (хотя с исторической точки зрения кажется абсолютно неправдоподобным, чтобы дочь литовского князя действительно могла быть с ними знакома). По мне-

нию княгини, религиозное искусство должно отражать телесную, физическую красоту человека:

«← А римские изографы ныне пишут явственно и людей, и коней, и хоромы, и замки, и всю иную красоту земную на иконах своих! – сказала [Софья. – *авт.*] звонким, “серебряным” голосом» [4, с. 154].

В то время, когда Софья Витовтовна горячо и с явным вызовом защищает новую, реалистическую манеру письма (по всей видимости, имея ввиду художников проторенессансной сиенской и пизанской школ, отличавшихся новой в это время тенденцией к чувственному отражению реальности [14]), один из учеников Феофана, Даниил Черный, пытался доказать княгине, что желание передать на картине одну только телесную натуру изображаемого персонажа является принципиально неверным подходом, унижающим вторую, надмирную сущность праведника. По его мнению, главная задача иконописца – указать не столько физическую, сколько духовную природу святого:

«← Умствуют много латиняне! – протянул Даниил Черный, хмурясь и отводя взгляд от разбойных серых глаз великой княгини. – Мы-то пишем святых, тех, в ком Господня благодать пребывает, а они телесного человека тщатся изобразить! Ето их до добра не доведет! Святых уже низвели на землю, пишут, яко рыцарей аль горожан, скоро и Бога низведут! Уже не ведают, человек ли служит Господу али Бог человеку. А коли человек становится соревонователем Господа, вот тебе тут и вся сатанинская прелесть! Да полно, што баять о том! Словами-то мочно и Сатану оправдать!» [4, с. 154].

Потом ученик Феофана (чрезмерно для простого подмастерья богословски подготовленный) добавляет еще, что главная ошибка западных иконописцев – в их стремлении к излишне чувственному и наглядному физическому реализму (которое, отметим, тогда еще не было таким сильным), к подражанию формам человеческого тела, вместо того, чтобы сосредоточиться на главном – на душе:

«Ты, госпожа, то пойми: фряги [фряги – старорусское название выходцев из Южной Европы романского происхождения. – *авт.*] человека ставят в средину мира, а ето прямой путь к безбожию! Ежели мир не станет подчинен Господу, то человек разорит его на потребу свою. До зела! Да и сам погибнет потом! В том и прелесть! Властью погубить, искусом власти! Того и отвергся Христос в пустыне, молвив: «Отыди от меня, сатана!» Икона должна взывать к молчанию, а католики взывают к страстям. У их ты как в толпе, зришь со всеми. Нету, чтобы в духовное взойти, а душевное, земное отринуть, отложить... Нету того в латинах! Права ты, госпожа! Пишут жизнь, как што де-

лают, одежда там какая, прически, доспехи, хоромы ихние – все мочно узнать! А у нас нету того, у нас токмо божественное! И ты, умствование отложив, зри! И боле того пушай скажет тебе сама икона!» [4, с. 155].

Балашовский Даниил считает, что икона изображает не обычный, земной мир, а мир небесный, духовный, обоженный, и потому иконописец, чтобы постигнуть эту реальность, должен предварительно подготовить себя молитвой и постом:

«– Што являет икона, русским словом – образ? Чего образ? Чей? Земного естества? Дак то будет парсуна, то зачем и писать... А в иконе – надмирный смысл! Отрекись от злобы, зависти, вожделения, гордости – тогда постигнешь... Ты перед образом постой в церкви-то да войди в тишину, постой без мыслей тех, суетных, безо всяких мыслей! – повторил Даниил Черный с нажимом. – С открытою душой, тогда и узришь, и почувешь... Так вот надо писать! Почто мастер иконный держит пост, молитву творит, егда приступает к работе, прежде чем взяться за кисть?! Он просит благословения у самого Господа!» [4, с. 155].

Как видим, иконописец подчеркивает, что особенный смысл иконы лежит не в соблюдении мастерами иконописных канонов, а в том, что именно она позволяет верующему на живое общение с Богом. В разговоре с Софьей Витовтовной Даниил вообще неоднократно повторял, что сила икон идет «прямо с сердца» и потому образ сильнее влияет на верующих, чем многие богословские трактаты (здесь просматривается влияние на Балашова «Умозрения в красках» Е. Трубецкого от 1916 г.).

«– Да што каноны те! Не в их суть! Суть тут вот! В сердце, хоть так сказать... Сергия, радонежского игумена, видала, госпожа? Ну вот! Вот те и ответ! И слов не надобно боле! Надобно быть, а не токмо глаголати! Пото и икона надобна. А все прочее – обряд там, канон – ограда души, дабы не потерять себя, не принять прелесть змиеву за благовестование! Надо самому глядеть глазами праведника! Пото икона – прямее путь к Господу, чем богословские умствования...» [4, с. 156].

На помощь своему ученику в разговоре с княгиней приходит наконец и сам мастер Феофан, попробовавший объяснить собеседнице, что не иконописец является автором иконы, а сам Бог, который руководит рукой изографа, пишущего икону, и именно в том заключается ее отличие от картины, будущей результатом мастерства и таланта художника, но вместе с тем, лишенной более глубокой сущности:

«– Видишь, госпожа, икона – это не художество суть, а моление Господу! Пото и художник, изограф, по-нашему, не творец, а токмо предстатель пред

Творцом мира! Отселе и надобно умствовать! Зри: сии персты, сии ладони, сии очеса! Они призывают, требуют от нас: оставь за порогом всякую житейскую суету и попечения плоти! Пока ты сам в суете земной, икона не заговорит с тобою, ибо она свидетельствует о высшей радости, о жизни уже неземной!» [4, с. 156].

Именно этим стремлением – изобразить не надземную, а всего лишь земную действительность – Феофан объясняет и присутствие на западных картинах светотеневой моделировки:

«Еще вопросы, госпожа, почто на наших иконах нету тени? А фряги так пишут, что и на золотом венце, на сиянии (!), отражена тень, падающая от головы святого воина. Вникни: тень на свете, на самом ясном, на Фаворском свете, – уму непостижимо! Наш мир, мир иконы – это мир света, мир без тени!» [4, с. 157].

Феофановы иконы и росписи и вправду характеризуются некоторой нереальностью, утонченностью формы, надмирностью, какового эффекта мастер достигает с помощью очень тонких пропорций и выразительных световых бликов [1, с. 113]. Но исторический Феофан Грек, о котором на самом деле известно не очень много, это отнюдь не тот самый персонаж, что Феофан Балашова, выступающий проводником идеи автора. И Феофан для него тем важнее, что именно он и был учителем самого знаменитого русского изографа, преп. Андрея Рублева. У Балашова иконописец подкрепляет свои высказывания ссылками на преп. Сергия Радонежского, который в романе Балашова изображен в традициях агиографической литературы [6]. Свое небольшое выступление перед Софьей балашовский Феофан – добавим, сам грек по национальности – заканчивает словами о несовместимости западных идей, а в особенности католицизма, с русским менталитетом:

«Присовокуплю к сему: быть может, для себя самих латыни и правы. Люди разны! Вершитель судеб ведал, что творил, и недаром дал каждому языку особый навычай и нор. И католики, что тщатся одолеть православие, токмо погубят нашу страну! Не ведаю, госпожа, что произойдет с Литвою под властью латинян, не ведаю! Но Русь, принявшая западный навычай, погибнет. Православие – это больше, чем обряд, это строй души. Обрушь его – и обрушишь саму основу русской жизни» [4, с. 160].

Как видим, балашовский Феофан – сторонник славянофильской концепции об органической связи православия со складом русской души. Данная концепция впервые была высказанная классиком славянофильства Иваном Киреевским в середине XIX века, пятьюстами годами позже описанных в романе событий [16, с. 114]. Для Балашова, как и для Киреевского, католицизм

является чем-то внешним по отношению к России, глубоко чуждым и опасным, что угрожает самому существованию русской нации. Не иначе обстоит дело с западными порядками и обычаями. Да и вообще активное использование славянофильских концепций, в особенности противопоставление России Западной Европе и отрицательная нравственная оценка этой последней показывают, что писатель второй половины XX века сознательно ссылается на существующую до него философскую и литературную традицию.

Авторское видение и авторская оценка событий прошлого в историческом романе совершенно естественны, но, если хотим понять, откуда у Балашова именно такое, а не иное видение истории, необходимо уточнить вопрос о соотношении прошлого и настоящего в исторической прозе «вообще», которая «оперирует двумя действительностями. Настоящее раскрывается через прошлое, прошлое «прорастает» в настоящем, при этом авторское видение играет первостепенную роль. Оно-то и служит своеобразным камертоном в выработке жанрового содержания, образующего концепцию произведения» [12, с. 15].

Существенным для определения жанра исторического романа является и то, что каждый отдельный писатель изображаемую им действительность «понимает как ставшую историей» [11, с. 7]. Предметом исторического романа всегда является прошлое, понимаемое «как завершившаяся в своем развитии определенная эпоха» [11, с. 7], но прошедшее через призму сознания и личного опыта автора.

Так, И. К. Горский в монографии о творчестве Г. Сенкевича выделяет следующие признаки исторического романа: «Во-первых, объектом изображения в историческом романе может быть только прошлое, давность которого определяется всякий раз конкретно. Во-вторых, это прошлое должно раскрываться в его временной обусловленности, или, другими словами, в его своеобразии. В-третьих, своеобразии изображаемого должно определяться через его отношение к современности не в сфере читательского восприятия (как это бывает, например, при чтении прежних авторов об их времени), а в авторском идейно-творческом аспекте разграничения минувшего от настоящего. И, наконец, разграничение не только в плане понятий, но и в плане различия эмоций современного человека от переживаний его предков» [8, с. 45–46].

В качестве основополагающей жанровой доминанты исторического романа, вслед за Н. М. Щедриной, выделяем «в нем действительное, с опорой на документы, зафиксированное в истории существование лиц и событий, изображаемых в романе, присутствие дистанции во времени с целью извлечь

уроки для современности, историзм как философскую основу жанра» [12, с. 15]. И действительно, по мнению историка историографии Е. Топольского, исторический роман больше говорит об эпохе, в которой был написан, а не о той эпохе, в которой происходит его действие [15, с. 19].

Вполне понятно, что внимание к былому обычно активизируется в переломные и рубежные периоды. Именно таким переломным периодом были 90-е годы XX века, то есть время, когда Д. М. Балашовым писалась «Святая Русь». Из-за этого роман получился более идеологическим, чем художественным [9]. Необходимо помнить, что после перестройки и наступившего в 1992 г. распада СССР в России возник хаос, сопряженный с общественными преобразованиями и переоценкой «советских» ценностей. Это был период беспорядка и анархии, но в то же время относительной свободы слова, сопряженного с наплывом в Россию западной поп-культуры. Также и сложившаяся впоследствии идеологическая мифологема «лихих девяностых», кроме памяти о многих имевших тогда место вооруженных конфликтах, о становлении организованной преступности и терроризма, а также о бандитской приватизации государственных ресурсов, включает в себя и понятие «вестернизации» культуры и тесно с ней связанной сексуальной революции и морального релятивизма [7].

Именно эта спонтанная российская вестернизация 90-х годов могла вызвать негативную реакцию воспитанного в строгой и суровой советской реальности Балашова. Появление в средствах массовой информации поп-музыки, порнографии, нецензурной лексики, разнузданности и другого нравственного зла в его сознании ассоциировалось с влиянием западной культуры, от которой он хотел предостеречь сограждан в своем романе.

Именно такая позиция автора четко просматривается на страницах «Святой Руси» [13]. Другое дело, что сравнение европейской культуры XV века (преимущественно католической с едва просматривавшимися тогда первыми ласточками ренессанса) и западной культуры XX столетия, которая по большому счету формировалась за счет светской и либеральной американской поп-культуры, очевидно некорректно. Важно, что цель, которую преследовал Д. М. Балашов в «Святой Руси», была совершенно ясна: он хотел предостеречь своих российских читателей от принятия западной культуры и западного образа жизни, которые сам он считал абсолютно неправильными, глубоко безнравственными и, в конечном итоге, губительными для душевного склада русского народа. В итоге исторический роман стал утрачивать свои свойства и претворился в роман идеологический.

Список литературы

1. Алпатов М. В. Феофан Грек. М.: Изобразительное искусство, 1990. 207 с.
2. Балашов Д. М. Святая Русь: трилогия. Кн. 1: Степной пролог. М.: АСТ, 2000. 442 с.
3. Балашов Д. М. Святая Русь: трилогия. Кн. 2: Сергей Радонежский. Исторический роман. М.: АСТ, 2001. 490 с.
4. Балашов Д. М. Святая Русь: трилогия. Кн. 3: Вечер столетия. М.: Армада, 1997. 586 с.
5. Балашов Д. М. О своем творчестве / Балашов Д. М. Похвала Сергию: Исторический роман о Сергии Радонежском. М., 1997. 57 с.
6. Бычков Д. М. Система стилизованных признаков агиографической традиции в романе Д. М. Балашова «Похвала Сергию» // Гуманитарные исследования. 2011. № 3 (39). С. 124–133.
7. Генералова Е. В. «Лихие девяностые» и «тучные нулевые»: образ времени в современном русском языке // Духовность и ментальность: экология языка и культуры на рубеже XX–XXI веков: сб. статей по материалам Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. пед. и науч. деятельности проф. Галины Васильевны Звёздной и приуроченной к её юбилею. Липецк: Липец. гос. пед. ун-т им. П. П. Семёнова-Тян-Шанского, 2017. С. 166–173.
8. Горский И. К. Исторический роман Сенкевича. М.: Наука, 1966. 307 с.
9. Никольский Е. В. Роман-эпопея Дмитрия Балашова "Святая Русь": девальвация художественности под влиянием идеологии // Науковий вісник Східноєвропейського національного університету імені Лесі Українки. Філологічні науки. Літературознавство. 2015. № 9. С. 117–124.
10. Никольский Е. В. Сакрализация национального начала в творчестве русских поэтов консервативного направления // Libri Magistri. 2019. № 1 (7). С. 33–61.
11. Петров С. М. Русский советский исторический роман. М.: Советский писатель. 1980. 484 с.
12. Щедрина Н. М. Исторический роман в русской литературе последней трети XX века. (Пути развития. Концепция личности. Поэтика): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1996. 379 с.
13. Юлина А. О. Русь православная в произведениях Дмитрия Михайловича Балашова // Духовно-нравственное воспитание в школе: опыт и перспективы: сб. ст. XX Корнилиевских Православных образовательных чтений / под ред. М. А. Манойловой, 2018. С. 190–198.
14. Christiansen. K. Siene Painting // Heilbrunn Timeline of Art History. January 2018. URL: https://www.metmuseum.org/toah/hd/sien/hd_sien.htm
15. Topolski J. Problemy metodologiczne korzystania ze źródeł literackich w badaniu historycznym // Dzieło literackie jako źródło historyczne. Red. Z. Stefanowska, J. Sławiński. – Warszawa: Polska Akademia Nauk, 1978. С. 7–30.
16. Walczak D. Różnice między katolicyzmem a prawosławiem w rozważaniach klasycznych i późnych słowianofilów rosyjskich (na przykładzie tekstów Iwana Kiriejewskiego i Nikołaja Danilewskiego) // Progress. Journal of Young Researches. №5 (2018). S. 112–122.

References

1. Alpatov M. V. *Feofan Grek* [Theophanes the Greek]. Moscow: Izobrazitel'noe iskusstvo Publ., 1990. 207 p.
2. Balashov D. M. *Svyataya Rus': trilogiya. Kn. 1: Stepoj prolog* [Holy Russia: trilogy. Book 1: Steppe Prologue]. Moscow: AST Publ., 2000. 442 p.
3. Balashov D. M. *Svyataya Rus': trilogiya. Kn. 2: Sergij Radonezhskij. Istoricheskij roman* [Holy Russia: trilogy. Book 2: Sergius of Radonezh. Historical novel.]. Moscow: AST Publ., 2001. 490 p.
4. Balashov D. M. *Svyataya Rus': trilogiya. Kn. 3: Vecher stoletiya* [Holy Russia: trilogy. Book 3: The Evening of the Century]. Moscow: Armada Publ., 1997. 586 p.
5. Balashov D. M. *O svoem tvorchestve* [About his work] Balashov D. M. *Pohvala Sergiyu: Istoricheskij roman o Sergii Radonezhskom* [Praise Sergius: A historical novel about Sergius of Radonezh]. Moscow, 1997. 57 p.
6. Bychkov D. M. Sistema stilevyh priznakov agiograficheskoj tradicii v romane D. M. Balashova «Pohvala Sergiyu» [The system of stylistic features of the hagiographic tradition in D. M. Balashov's novel "Praise Sergius"] *Gumanitarnye issledovaniya* [Humanitarian Studies]. 2011. № 3 (39), pp. 124–133.
7. Generalova E. V. «Lihie devyanostye» i «tuchnye nulevye»: obraz vremeni v sovremenom russkom yazyke [“Dashing Nineties” and “Fat Zeros”: the image of time in modern Russian language] *Duhovnost' i mental'nost': ekologiya yazyka i kul'tury na rubezhe XX–XXI vekov. Sb. statej po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashchyonnoj pedagogicheskoj i nauchnoj deyatel'nosti prof. Galiny Vasil'evny Zvyozdovoj i priurochennoj k eyo yubileyu* [Spirituality and mentality: the ecology of language and culture at the turn of the 20th– 21st centuries A collection of articles based on the materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to pedagogical and scientific activities. Galina Vasilievna Zvezdova and dedicated to your anniversary] Lipeck: Lipeckij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet imeni P. P. Semyonova-Tyan-SHanskogo, 2017, pp. 166–173.
8. Gorskij I. K. *Istoricheskij roman Senkevicha* [The historical novel of Senkevich]. Moscow: Nauka Publ., 1966. 307 p.
9. Nikol'skij E. V. *Roman-epopeya Dmitriya Balashova "Svyataya Rus'": deval'vaciya hudozhestvennosti pod vliyaniem ideologii* [Roman-epic "Holy Russia" by Dmitry Balashov devaluation of artistry under the influence of ideology] *Naukovij visnik Skhidnoevropejs'kogo nacional'nogo universitetu imeni Lesi Ukraïni. Filologichni nauki. Literaturoznavstvo* [Scientific Bulletin of Lesya Ukrainka Eastern European National University. Philological Sciences. Literary Studies]. 2015. № 9, pp. 117–124.
10. Nikol'skij E. V. *Sakralizaciya nacional'nogo nachala v tvorchestve russkih poetov konservativnogo napravleniya* [Sacralization of the national principle in the work of Russian poets of the conservative trend] *Libri Magistri*. 2019. № 1 (7), pp. 33–61.
11. Petrov S. M. *Russkij sovetskij istoricheskij roman* [Russian Soviet historical novel] Moscow: Sovetskij pisatel' Publ., 1980. 484 ps.
12. SHCHedrina N. M. *Istoricheskij roman v russkoj literature poslednej treti HKH veka. (Puti razvitiya. koncepciya lichnosti. Poetika): avtoref. dis... d-ra filol. nauk* [A historical novel in Russian literature of the last third of the twentieth century (Ways of development. The concept of personality. Poetics): abstract of thesis ... Dr. philologist. Sciences]. Moscow, 1996. 379 s.

13. Yulina A. O. *Rus' pravoslavnaya v proizvedeniyah Dmitriya Mihajlovicha Balashova* [Orthodox Russia in the works by Dmitry Mikhailovich Balashov] *Duhovno-nravstvennoe vospitanie v shkole: opyt i perspektivy. Sb. statej XX Kornilievskih Pravoslavnyh obrazovatel'nyh chtenij* [Spiritual and moral education in school: experience and prospects Collection of articles of XX Korniliev Orthodox educational readings] / pod red. M. A. Manojlovoj, 2018, pp. 190–198.

14. Christiansen. K. Sieneese Painting // Heilbrunn Timeline of Art History. January 2018. URL: https://www.metmuseum.org/toah/hd/sien/hd_sien.htm

15. Topolski J. Problemy metodologiczne korzystania ze źródeł literackich w badaniu historycznym // *Dzieło literackie jako źródło historyczne*. Red. Z. Stefanowska, J. Sławiński. – Warszawa: Polska Akademia Nauk Publ., 1978, pp. 7–30.

16. Walczak D. Różnice między katolicyzmem a prawosławiem w rozważaniach klasycznych i późnych słowianofilów rosyjskich (na przykładzie tekstów Iwana Kiriejewskiego i Nikołaja Danilewskiego) // *Progress. Journal of Young Researches*. №5 (2018), pp. 112–122.